

Международное право и международные организации / International Law and International Organizations

Правильная ссылка на статью:

Кулов С.С. Новые формы вмешательства в свободу убеждений: международно-правовая доктрина в условиях цифровой трансформации // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0633.2025.3.74730 EDN: XHOVJO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74730

Новые формы вмешательства в свободу убеждений: международно-правовая доктрина в условиях цифровой трансформации

Кулов Станислав Сергеевич

аспирант; кафедра международного права; Дипломатическая академия МИД РФ
адвокат; Карачаево-Черкесская республиканская коллегия адвокатов

115035, Россия, г. Москва, р-н Якиманка, 3-й Кадашевский пер., д. 5 стр. 5

✉ staskulov@gmail.com

[Статья из рубрики "Международные организации и развитие отдельных отраслей МПП"](#)

DOI:

10.7256/2454-0633.2025.3.74730

EDN:

XHOVJO

Дата направления статьи в редакцию:

05-06-2025

Дата публикации:

12-06-2025

Аннотация: В статье исследуются новые формы вмешательства в свободу убеждений, возникающие в условиях цифровой трансформации, с точки зрения международного права. Особое внимание уделяется анализу изменений в понимании *forum internum* — внутренней сферы убеждений, которая по международным стандартам подлежит абсолютной защите. Автор рассматривает влияние цифровых технологий — поведенческой аналитики, алгоритмов персонализации, массовой слежки, нейротехнологий и систем распознавания эмоций, на способность личности свободно формировать и сохранять свои убеждения. На основе анализа доктрины, практики международных органов и последних рекомендаций выявляется, что существующая международно-правовая система сталкивается с необходимостью адаптации к новым

рискам, связанным с искусственным интеллектом и цифровым надзором. Объект исследования — международно-правовые стандарты и доктрина свободы убеждений; предмет — новые формы цифрового вмешательства и реакция международных органов и научного сообщества. В работе обосновывается необходимость введения новых категорий, таких как когнитивная свобода и ментальная автономия, и предлагаются направления совершенствования международных механизмов защиты свободы убеждений. Методологическую основу исследования составили сравнительно-правовой, формально-юридический, системный и структурно-функциональный методы, а также кейс-анализ решений международных органов. Используются материалы из докладов ООН, доктрина «нейроправ» и разработки по когнитивной свободе. Впервые в научной литературе проводится комплексный анализ цифровых угроз *forum internum* как международно-правовой категории. Научная новизна статьи заключается в комплексном международно-правовом анализе цифровых угроз свободе убеждений и обосновании необходимости разработки новой категории — «когнитивных прав» — как ответа на вызовы ИИ и алгоритмического надзора. Научный подход и практика международных органов уже сегодня формируют основы для новой доктрины — доктрины защиты свободы мысли в цифровом мире. Её реализация потребует усилий как на универсальном, так и на национальном уровнях, обновления законодательства и развития сотрудничества между государствами и технологическими компаниями. Предложены подходы к уточнению содержания *forum internum* в условиях цифровой эпохи.

Ключевые слова:

свобода убеждений, *forum internum*, цифровая трансформация, искусственный интеллект, нейроправа, свобода мысли, международное право, вмешательство, ментальная автономия, когнитивные права

Введение

Современная цифровая трансформация ставит новые вызовы перед охраной фундаментальных прав человека, в том числе права на свободу убеждений. В классическом понимании международного права данная свобода включает в себя право каждого человека придерживаться своих убеждений (идеологических, религиозных или иных) и мыслей без внешнего вмешательства. Это право зафиксировано во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. (ст. 18, 19) и Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. (ст. 18, 19) [\[1\]](#). Причём внутренний аспект свободы мыслей, совести, религии и убеждений (*forum internum*) является абсолютным и не подлежит каким-либо ограничениям. Ни при каких обстоятельствах государство или другие акторы не вправе принуждать человека принять определённые убеждения или отказаться от них. Комитет ООН по правам человека в Замечаниях общего порядка №22 (1993) и №34 (2011) подчёркивает, что никто не должен подвергаться принуждению, ущемляющему свободу придерживаться убеждений своего выбора, а право на свободное мнение не допускает никаких ограничений.

Долгое время считалось, что вмешательство во внутренние убеждения личности практически невозможно, поскольку мысли человека недоступны внешнему воздействию. Однако бурное развитие цифровых технологий опровергает эту уверенность. Появляются новые методы косвенного «чтения» и даже воздействия на внутренние убеждения через

анализ данных и информационное влияние. Международно-правовая доктрина столкнулась с необходимостью оценить эти феномены сквозь призму абсолютной защиты *forum internum*. Особую актуальность эти вопросы приобрели после принятия Чили конституционной поправки о защите нейроправ в 2021 году, что стало первым в мире прецедентом конституционного закрепления защиты мозговых данных ^[16]. Аналогичные инициативы развиваются в других юрисдикциях: штат Колорадо в 2024 году принял первый в США закон о нейроприватности ^[15], а Европейский союз включил ограничения на системы распознавания эмоций в Регламент об искусственном интеллекте 2024 года ^[19]. Однако в научном сообществе нет единого мнения относительно необходимости новых прав: критики утверждают, что существующие правовые рамки достаточны для защиты от нейротехнологических угроз ^{[12][20]}. В данной статье предпринимается научный анализ новых форм вмешательства в свободу убеждений в цифровую эпоху и рассматриваются ответы международного права на эти вызовы. Методологическую основу исследования составили сравнительно-правовой, формально-юридический, системный и структурно-функциональный методы, а также кейс-анализ решений международных органов, в частности КПЧ ООН и Совета Европы. Использованы материалы из докладов ООН, доктрина «нейроправ» и разработки по когнитивной свободе.

Международно-правовые стандарты свободы убеждений

Право на свободу убеждений базируется на ряде универсальных норм. Статья 18 Международного пакта о гражданских и политических правах гласит, что каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии, включая свободу придерживаться религии или иных убеждений по своему выбору, и никто не может подвергаться принуждению, способному нарушить его свободу иметь или принять убеждение по своему выбору. Эта норма охватывает как религиозные, так и нерелигиозные, теистические и атеистические убеждения. Аналогичные положения содержатся в ст. 9 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. Важной особенностью является деление права на свободу мысли, совести и убеждений на внутренний аспект (собственно свобода иметь убеждения) и внешний аспект (свобода проявлять, распространять свои убеждения). Внутренний аспект (*forum internum*) защищён безусловно, тогда как внешний аспект (*forum externum*) может подлежать законным ограничениям при соблюдении строгих критериев необходимости и соразмерности (например, ст. 18(3) МПГПП ограничивает проявление убеждений лишь интересами общественной безопасности, порядка, здоровья, морали и прав других лиц).

Международно-правовая доктрина исторически исходила из того, что прямое посягательство на внутреннюю свободу убеждений недопустимо и практически трудноосуществимо. Право свободно мыслить и иметь убеждения считается абсолютным и неотчуждаемым. Комитет ООН по правам человека в Замечании общего порядка №34 разъясняет, что свобода мнения (убеждений) не допускает никаких отклонений или приостановления даже в чрезвычайных обстоятельствах. В судебной практике также закреплено, что попытки государственного давления с целью изменить убеждения личности нарушают статьи 18 и 19 МПГПП. Так, например, Европейский суд по правам человека подчёркивал, что право исповедовать или менять религию и убеждения является одним из основополагающих в демократическом обществе, и недопустимо принуждение, затрагивающее внутренние убеждения личности (*case Kokkinakis v. Greece*, 1993) ^[2]. В более широком плане любые меры государства, создающие у человека обоснованный страх свободно мыслить или принимать убеждения, могут

рассматриваться как нарушение *forum internum*.

Таким образом, по международным стандартам запрещено любое прямое или косвенное воздействие, способное лишить человека свободы сформировать собственные убеждения. Однако классические нормы формулировались в эпоху, когда угрозы носили в основном явный характер (идеологическое принуждение, религиозные преследования, цензура печати и т.п.). В цифровую же эпоху возникли качественно новые формы воздействия на сознание, которые труднее распознать, но которые ставят под сомнение прежнее понимание ненарушимости внутренней свободы мысли. Ниже рассмотрены основные из этих новых форм вмешательства, выявленные к настоящему времени. Международно-правовая доктрина *forum internum*, как абсолютной и неприкосновенной категории, ставится под угрозу, когда алгоритмы предсказывают и формируют убеждения на основе поведенческого профиля пользователя [\[9, с. 513\]](#).

Новые формы вмешательства в условиях цифровой трансформации

Новые формы вмешательства в свободу убеждений, возникающие в условиях цифровой трансформации, становятся серьёзным вызовом для международного права. Современные технологии, такие как алгоритмическая модерация, персонализированная реклама и нейроинтерфейсы, воздействуют не только на *forum externum*, но и на *forum internum* — внутреннюю сферу убеждений и мышления человека.

Как отмечает С. Алегре, традиционные правовые механизмы защиты не учитывают возможности цифрового воздействия на когнитивную сферу личности, что требует обновления подходов к трактовке свободы убеждений в международном праве [\[6, с. 5\]](#).

1 . Поведенческий анализ больших данных и микротаргетинг. Распространение интернета и социальных сетей привело к беспрецедентному накоплению данных о предпочтениях, поисковых запросах, «лайках» и другом онлайн-поведении людей. Современные алгоритмы позволяют строить детальные психологические профили пользователей, фактически заглядывая во внутренний мир их убеждений и наклонностей. Широко известным примером стала «кампания *Cambridge Analytica*» (2016), когда аналитики, используя данные соцсетей, сумели сегментировать избирателей по психологическим типам и адресно воздействовать на их мнение с помощью специально подобранной рекламы. По сути, имело место скрытое вмешательство в процесс формирования политических убеждений граждан через цифровые технологии. Данный скандал наглядно показал, что представление о недостижимости мыслей для внешнего воздействия устарело. Микротаргетированная агитация, опирающаяся на большие данные (*Big Data*), способна незаметно манипулировать мнением человека, обходя его осознанный критический контроль. Это ставит вопрос о том, не нарушается ли принцип запрета вмешательства в свободу иметь мнение без внешнего воздействия (закреплённый в ст.19 МПГПП). Ведь если технологические алгоритмы целенаправленно формируют информационное окружение индивида таким образом, чтобы навязать определённые убеждения, то можно говорить о новой форме *принуждения* к мнению, пусть и мягкого, скрытого характера. Международные эксперты отмечают, что право не подвергаться манипулированию мыслей следует рассматривать как неотъемлемую часть свободы убеждений в цифровом веке.

2 . Алгоритмическая фильтрация информации и «пузырь фильтров». Платформы вроде Facebook (компания Meta признана экстремистской и запрещена в РФ), YouTube, TikTok с помощью алгоритмов персонализации контента формируют для каждого

пользователя уникальную ленту новостей. Эти алгоритмы, оптимизированные под максимизацию вовлечённости, часто показывают контент, усиливающий уже имеющиеся убеждения и эмоциональные реакции. В результате пользователь может оказаться в своеобразном информационном коконе, который искажает его картину мира. Феномен «пузыря фильтров» (*«filter bubble»*) ведёт к тому, что человеку всё труднее получать объективную разностороннюю информацию, необходимую для самостоятельного формирования мнения. Более того, исследования показали, что изменение алгоритмом порядка выдачи новостных сообщений способно влиять на эмоциональное состояние и поведение пользователей. В известном эксперименте небольшая манипуляция лентой новостей Facebook привела к измеримому изменению настроения пользователей, что было интерпретировано как доказательство возможности алгоритмического воздействия на эмоции и, следовательно, на мыслительные процессы людей. Таким образом, непрозрачные алгоритмы могут опосредованно вмешиваться в свободу убеждений, определяя, какие идеи получают отклик в сознании человека. С точки зрения международного права, здесь возникает коллизия между свободой выражения (права интернет-платформ распространять контент) и правом индивида на неприкосновенность его когнитивной автономии (*cognitive autonomy*) – способности самостоятельно формировать взгляды. Цифровые платформы, будучи негосударственными субъектами, всё чаще выступают в роли новых посредников в вопросах реализации и ограничения *forum externum*, что ставит вопрос о распространении международных обязательств по правам человека на частные технологические корпорации [\[10, с. 21\]](#). Пока эта проблема остаётся больше в поле этических дискуссий, но очевидна необходимость правовых гарантий против злоупотреблений алгоритмической персонализацией, подрывающих автономность мысли.

3. Массовое цифровое наблюдение и анализ мыслительной активности. Технологии слежения в цифровой среде достигли высокой степени развития: государственные органы и корпорации могут отслеживать онлайн-активность, историю запросов, местоположение, биометрические данные. Анализ цифровых следов способен выявлять интимные аспекты личности, в том числе политические взгляды, религиозную принадлежность, психологический профиль. Возникает риск так называемого «мысленного слежения» – когда по совокупности внешних цифровых данных делаются выводы о внутренних убеждениях человека. Например, алгоритмы могут с большой долей вероятности определить чьи-то политические предпочтения по лайкам и подпискам в социальных сетях, даже если сам человек открыто не заявляет о своих взглядах. В ряде случаев такая информация затем используется для дискриминационных решений, затрагивающих права человека. Так, было задокументировано, что большие технологические компании и финансовые учреждения на основе поведенческих профилей ограничивали людям доступ к услугам (кредитованию, найму и т.д.). Если причиной подобных решений становятся предположения об убеждениях или настроениях человека (выявленных алгоритмом из больших данных), то имеет место косвенное наказание за мысли – явление, прямо противоречащее международным стандартам. Право не подвергаться наказанию за свои внутренние убеждения является одним из краеугольных элементов свободы мысли. Его нарушение может проявляться в новых формах: например, отказ в приёме на работу, основанный на скрытом психологическом профиле кандидата, который указывает на «нежелательные» убеждения. Международно-правовая доктрина пока не выработала специальных норм на этот счёт, но подобные случаи вызывают серьёзную обеспокоенность у правозащитных организаций. Они указывают, что механизм «презумпции невиновности мыслей» должен быть сохранён: никто не может терпеть ограничения прав только из-за приписываемых ему взглядов,

без конкретных противоправных действий.

4. Технологии распознавания эмоций и нейротехнологии. Среди наиболее тревожных аспектов цифровой трансформации выделяется использование нейротехнологий, о чём подробно говорится в работе Рафаэля Юсте и соавторов: они обосновывают необходимость признания так называемых «нейроправ» как новой категории прав человека [\[12, с. 29–30\]](#). Весьма тревожным с точки зрения вмешательства в *forum internum* выглядят разработки в области искусственного интеллекта, направленные на распознавание и воздействие на эмоционально-психологические состояния. Речь идёт о системах анализа мимики, голоса, физиологических показателей для определения чувств и намерений человека. Например, некоторые работодатели уже экспериментировали с камерами, впускающими сотрудников в офис только если те улыбаются (случай компании Canon в Китае). Полиция в отдельных странах тестирует полиграфы с ИИ и системы «детекции лжи» по микровыражениям лица. Эти технологии претендуют на проникновение во внутреннюю сферу переживаний личности, пытаются считывать истинные эмоции и мысли без согласия человека. Более того, на горизонте появляются нейротехнологии, способные напрямую взаимодействовать с мозгом – так называемые мозгокомпьютерные интерфейсы (*brain-computer interfaces*, *интерфейс мозг-компьютер*). Крупные корпорации инвестируют в разработки устройств, которые могут потенциально считывать нейросигналы (например, проекты Facebook по «мысленной печати» текста прямо из мозга). Пока такие технологии далеки от широкого применения, но уже сегодня возникает вопрос правовой защиты «ментальной неприкосновенности». Если ИИ-системы смогут узнавать или даже транслировать мысли человека, это станет прямым вызовом абсолютному характеру свободы мысли. Аналитики подчёркивают, что необходимы упреждающие меры – «*право на ментальную(духовную) неприкосновенность*», запрет на несанкционированное считывание и влияние на мозговую активность. В 2021 г. Чили первым в мире принял поправку к Конституции о защите так называемых нейроправ. Этот акт направлен на охрану психического здоровья, ментальной неприкосновенности и свободы воли граждан от злоупотреблений нейротехнологиями. Закон приравнивает данные мозговой активности к неотчуждаемым частям тела, запрещая их продажу, передачу или манипулирование ими. Такой прецедент свидетельствует о признании на государственном уровне, что в цифровую эпоху требуются новые гарантии для охраны внутренней свободы личности. Международное право, вероятно, будет развиваться в том же направлении, закрепляя принципы *когнитивной свободы* и *ментальной автономии* человека. Некоторые исследователи предлагают ввести категорию «когнитивной свободы», как развитие *forum internum*, отражающую современные реалии ментального вмешательства цифровых архитектур [\[11, с. 172\]](#).

5. Цифровая цензура и информационные «пузыри» как препятствие для свободы убеждений. Хотя цензура сама по себе не нова, в цифровом обществе она приобретает новые формы – от алгоритмической модерации контента до государственно санкционированных блокировок интернет-ресурсов. К примеру, в некоторых государствах доступ к оппозиционным или религиозным сайтам фильтруется и запрещается. Ограничивая доступ к информации, особенно в интернете, власти фактически вмешиваются в процесс формирования мнений граждан. Специальный докладчик ООН по свободе религии или убеждений отмечал, что законы о богохульстве и апостасии, а также цензура в интернет-среде, создают атмосферу страха и самоцензуры, препятствуя свободному мышлению. Люди боятся искать информацию или высказывать неверные с точки зрения власти взгляды, что подавляет их способность «свободно исследовать круг идей». Таким образом, цифровые барьеры на пути

информации могут рассматриваться как форма вмешательства в свободу убеждений, поскольку без свободного доступа к разнообразным идеям человек лишается возможности самостоятельно выбирать и менять убеждения. Международные органы высказывают обеспокоенность по этому поводу: в «Докладе о свободе мысли» (A/76/380, 2021) под эгидой ООН подчёркивается, что свободный интернет-доступ является условием реализации свободы думать и критически оценивать информацию. Поэтому чрезмерная интернет-цензура не только нарушает свободу выражения мнений, но и подрывает саму свободу мыслить, что переводит проблему в плоскость абсолютных запретов (ведь внутреннюю мысль ограничивать нельзя). В свете этого международно-правовая доктрина всё чаще говорит о необходимости *«прав человека в цифровой среде»*, где право на информацию и право на свободу убеждений взаимосвязаны [\[3\]](#).

Реакция международно-правовой доктрины и практики

Международные организации и эксперты осознают серьёзность возникших вызовов и предпринимают шаги для их осмысления в правовом поле. Комитет ООН по правам человека в новейшей практике уже сталкивается с делами, затрагивающими цифровой аспект свободы убеждений. Хотя прямых прецедентов, где бы заявитель ссылался именно на нарушение права на свободу мысли в связи с цифровыми технологиями, пока немного, тенденция к их появлению очевидна. В 2021 г. Специальный докладчик ООН по свободе религии или убеждений Ахмед Шахид представил Генеральной Ассамблее ООН тематический отчет, специально посвященный праву на свободу мысли в современном контексте [\[3\]](#). В этом первом детальном международном обзоре проблемы свободы мысли отмечается, что она является «первым правом», лежащим в основе других свобод, и требует обновлённого понимания в условиях цифрового мира. Доклад Шахида подчёркивает необходимость защиты пространства мысленной автономии личности от посягательств как со стороны государства, так и частных корпораций. В числе прочего, рекомендуется разработать руководящие принципы по защите свободы мысли при регулировании интернета, больших данных и искусственного интеллекта.

Европейские региональные структуры также начинают реагировать. В рамках Совета Европы обсуждается вопрос, нужны ли новые нормы для защиты прав человека перед лицом нейротехнологий и алгоритмического воздействия [\[4\]](#). Европейский парламент и национальные правительства рассмотрели концепцию «когнитивных свобод» как части правового регулирования искусственного интеллекта (ИИ). Существенный вклад в повестку внёс Европейский надзорный орган по защите данных (EDPS) и Европейский совет по защите данных (EDPB). В их совместном Мнении №5/2021 о предлагаемом Регламенте ЕС об искусственном интеллекте прямо указано, что использование ИИ для распознавания эмоций человека является крайне нежелательным и должно быть запрещено как противоречащее основополагающим ценностям. Призыв к запрету систем, вторгающихся во внутренний мир личности (например, технологий эмоциональной аналитики), поддержан на наднациональном уровне ЕС, что свидетельствует о растущем понимании важности охраны *forum internum*. Фактически, европейские регуляторы соглашаются с мнением исследователей вроде С. Алегри о том, что проникновение ИИ в сферу мыслей должно пресекаться на корню правовыми мерами. В проекте Регламента ЕС об ИИ (2023) уже предусмотрены ограничения на системы социального рейтинга и «детекторы эмоций» в правоохранительных органах, исходя из этических и правовых рисков для прав человека. Это можно расценивать как зарождающуюся норму *jus cogens* нового поколения, защищающую свободу человеческого разума.

Практическая реализация нейроправ продемонстрировала как возможности, так и ограничения нового подхода. В августе 2023 года Верховный суд Чили вынес историческое решение, обязав американскую компанию Emotiv удалить все данные мозговой активности, собранные у бывшего сенатора Гидо Жирарди, что стало первым практическим применением конституционной поправки о нейроправах [\[4\]\[5\]](#). Однако это решение также выявило практические трудности в определении границ применения нейроправ и их соотношения с существующими правами на защиту персональных данных [\[5\]](#). Развитие нейротехнологического регулирования в различных юрисдикциях демонстрирует разнообразие подходов. Европейский союз в Регламенте об ИИ 2024 года сосредоточился на запрете систем, предназначенных для искажения человеческого поведения через подсознательные компоненты, не вводя специальных нейроправ [\[19\]](#). Колорадо выбрал путь включения нейронных данных в категорию чувствительной информации в рамках существующего закона о защите частной жизни [\[15\]](#).

Академическое сообщество и неправительственные организации также активно исследуют эти проблемы. Появился термин «нейроправа» (neurorights), включающий право на ментальную неприкосновенность, право на личную идентичность и свободу воли в условиях нейротехнологий. Группа экспертов при ООН предлагает дополнить Международный Билль о правах человека положениями о защите нейроконфиденциальности (neuro-privacy). В ряде статей высказывается идея о введении самостоятельного права на когнитивную свободу, которое бы дополнило существующие гарантии свободы мысли и мнений. Пока что эти идеи находятся на стадии обсуждения, однако практика отдельных стран (упомянутая поправка к Конституции Чили о нейроправах) указывает, что их реализация возможна.

Концепция нейроправ, активно продвигаемая Фондом нейроправ и исследователями во главе с Рафаэлем Юсте, вызывает значительные дискуссии в научном сообществе. Критики указывают на несколько проблемных аспектов данного подхода [\[12\]\[20\]](#). Во-первых, существующие права человека, включая право на неприкосновенность частной жизни и свободу мысли, уже предоставляют достаточную защиту от потенциальных нейротехнологических угроз. Введение новых прав может создать правовую неопределённость и дублирование защитных механизмов [\[20\]](#). Во-вторых, как отмечают правоведы из Чилийского университета и представители организации Derechos Digitales, концепция нейроправ основана на «колониальной идее» о том, что до принятия нового законодательства не существовало правовой защиты мозговых данных [\[5\]](#). Эксперты также указывают на недостаточную проработанность технических аспектов: современные нейротехнологии ещё не достигли уровня точности, который позволял бы «читать мысли» в том смысле, как это представляется в популярных дискуссиях [\[12\]](#). Тем не менее, сторонники нейроправ настаивают на необходимости превентивного регулирования. Нита Фарахани из Университета Дьюка предлагает концепцию «когнитивной свободы» как зонтичного права, охватывающего право на самоопределение в отношении собственного мозга и ментальных переживаний [\[23\]](#). Данный подход предполагает обновление существующих прав человека для цифровой эпохи, а не создание принципиально новых правовых категорий.

Что касается практики международных судебных и квазисудебных органов, то она лишь начинает формироваться. Европейский суд по правам человека ещё не рассматривал дела напрямую о вмешательстве алгоритмов в убеждения, но в нескольких решениях затрагивал смежные вопросы. К примеру, в решениях по делам о массовой слежке (Big

Brother Watch v. UK, 2018 и др.) ЕСПЧ признал, что тотальная цифровая слежка создает «эффект давления» на свободу выражения мнений и может косвенно повлиять на свободу получать и распространять информацию. Аналогично, Комитет ООН по правам человека в своих обзорах указывает, что государственный надзор за интернет-активностью граждан может приводить к самоцензуре и охлаждающему эффекту, несовместимому со свободой мысли. Хотя эти замечания делаются в контексте права на частную жизнь и свободу выражения, по сути они признают: чрезмерный цифровой контроль подрывает и свободу человека мыслить без страха.

Важно отметить, что уже сейчас фиксируются конкретные кейсы, где цифровые технологии стали инструментом преследования за убеждения. Например, в ряде авторитарных государств используются данные о посещении тех или иных интернет-страниц или групп в социальных сетях для обвинений в «экстремизме» или «ереси». Представители религиозных меньшинств могут подвергаться преследованию на основе анализа их онлайн-переписки, связанной с религиозными темами. Такие случаи находятся на пересечении права на частную жизнь, свободы религии и свободы мысли. Международные механизмы (спецдокладчики ООН, рабочие группы) нарастающе обращают на них внимание. Например, в докладах Совета по правам человека ООН упоминаются случаи, когда государство принуждало граждан раскрывать пароли от аккаунтов или устанавливать на телефон программы слежения – подобные практики могут рассматриваться как нарушение и права на неприкосновенность частной жизни, и попытка контроля над убеждениями.

Реакцией международного сообщества на перечисленные вызовы стали и программные документы, утверждающие принципы защиты прав в цифровую эпоху. Так, ЮНЕСКО в 2021 г. приняла *Рекомендацию по этике искусственного интеллекта*, где отдельно подчёркивается необходимость гарантировать уважение к человеческому достоинству, автономии и мыслительной свободе при разработке и применении искусственного интеллекта (AI) ^[5]. Эта рекомендация призывает государства следить, чтобы ИИ-системы не вели к манипуляции поведением людей против их воли. Под эгидой ООН также проходит инициатива «Глобальный цифровой договор» (Global Digital Compact), одним из положений которой предлагается закрепить обязательство государств «поддерживать открытый и свободный Интернет и защищать права пользователей, включая свободу выражения и убеждений, в онлайн-среде». Всё это свидетельствует о формировании новой международно-правовой доктрины, адаптирующей фундаментальные права человека к цифровой реальности.

Заключение

Цифровая трансформация общества привела к возникновению *de facto* новых форм вмешательства во внутреннюю свободу убеждений, которые раньше не были известны классическому праву прав человека. Алгоритмическое воздействие на информационное пространство личности, поведенческий анализ данных, системы распознавания эмоций и зарождающиеся нейротехнологии – всё это создает неочевидные, но масштабные риски для свободы мысли, совести и убеждений. Международное право, провозглашающее абсолютный характер этой свободы, стоит перед задачей конкретизации и обеспечения ее соблюдения в новых условиях. Уже сейчас можно выделить несколько основных тенденций доктринального и нормативного ответа:

- Признание принципа «когнитивной свободы» как неотъемлемой части прав человека. Под этим подразумевается защита психической автономии индивида, запрет на недобровольное раскрытие или изменение его мыслей и убеждений. Международные

эксперты предлагают развивать этот принцип в договорах и мягком праве.

- Упреждающее регулирование новых технологий. Разрабатываются нормы, прямо запрещающие или ограничивающие технологии, способные вторгаться во внутренний мир человека (как пример – рекомендованный запрет на системы распознавания эмоций в Евросоюзе). Предлагается ввести строгий надзор за нейротехнологиями, идущими вразрез с правами человека.
- Обновление толкований существующих прав. Комитет ООН по правам человека и другие органы, вероятно, выпустят новые разъяснения (замечания общего порядка), учитывающие цифровой контекст. В них может быть отражено, что «*принуждение, ущемляющее свободу иметь убеждения*» включает не только физическое или прямое принуждение, но и манипулятивные информационные практики.
- Синергия права на частную жизнь и свободы мысли. В цифровую эпоху защита и конфиденциальность данных становится условием обеспечения свободы убеждений. Международное право всё чаще увязывает эти права: без приватности нет пространства для свободного формирования мыслей. Поэтому усиление требований к защите персональных данных (например, GDPR в ЕС) косвенно служит и охране *forum internum*.
- Практика кейсов и прецедентов. Ожидается, что судебные органы начнут формировать прецеденты по обращениям, связанным с цифровыми вмешательствами. Каждое такое решение будет уточнять границы допустимого. В перспективе возможно появление принципа *due diligence* для государств: обязанность предотвращать деятельность частных лиц (корпораций), направленную на недобросовестное влияние на убеждения граждан.

В заключение следует подчеркнуть: свобода убеждений остаётся краеугольным правом человека, от которого зависит смысл многих других свобод. Цифровая эпоха несёт не только угрозы, но и возможности для реализации этого права (расширение доступа к информации, обмен мнениями глобально). Задача международного права – максимизировать эти возможности и минимизировать угрозы. Научный подход и практика международных органов уже сегодня формируют основы для новой доктрины – доктрины защиты свободы мысли в цифровом мире. Её реализация потребует усилий как на универсальном, так и на национальном уровнях, обновления законодательства и развития сотрудничества между государствами и технологическими компаниями. Только так можно гарантировать, что даже в условиях стремительной цифровизации человек сохранит неприкосновенное право мыслить свободно – без страха, принуждения и скрытых манипуляций, какими бы изощрёнными они ни были.

Библиография

1. Научно-практический комментарий к Федеральному закону "О свободе совести и о религиозных объединениях" (постатейный) / Авт. колл.: Шахов М.О., Чернега О.А., Ряховский В.В., Вагина Т.В., Себенцов А.Е. и др.; под общ. ред. Маранова Р.В. - М.: Славянский правовой центр, 2011. - 624 с.
2. Коккинакис против Греции - *Kokkinakis v. Greece*, ECtHR, Judgment of 25 May 1993 // Reports 1993. Series A, no. 260-A.
3. Shaheed A. Interim Report of the Special Rapporteur on freedom of religion or belief: *Freedom of Thought*. U.N. Doc. A/76/380 (5 Oct 2021).
4. Alegre S. *Rethinking Freedom of Thought for the 21st Century*. - European Human Rights Law Review, 2017, No. 3, pp. 221-233.
5. Guzmán L. Chile: Pioneering the protection of neurorights // *The UNESCO Courier*, 21 March 2022.
6. Alegre S. Protecting Freedom of Thought in the Digital Age // CIGI Policy Brief. 2021. No.

165. 7 p.

7. EDPB-EDPS Joint Opinion 5/2021 on the proposal for an Artificial Intelligence Act, 18 June 2021.

8. Access Now. Submission to the UN Special Rapporteur on Freedom of Religion or Belief: *Freedom of Thought in the Digital Age* (2021).

9. Alegre S. Regulating around freedom in the 'forum internum' // ERA Forum. 2020. Vol. 21, No. 4. P. 511-527.

10. Alegre S. Toward an International Agenda to Protect the Forum Internum // CIGI Policy Brief. 2022. No. 176. 8 p.

11. Alegre S. Freedom to Think: The Long Struggle to Liberate Our Minds. London: Atlantic Books, 2022. 320 p.

12. Rafael Yuste, Tomás de la Quadra-Salcedo, Miguel García Fernández. Neuro-Rights and New Charts of Digital Rights: A Dialogue Beyond the Limits of the Law // Indiana Journal of Global Legal Studies. Indiana University Press. Volume 30, Issue 1, 2023. pp. 15-37.

13. Lighthart S. et al. Minding Rights: Mapping Ethical and Legal Foundations of 'Neurorights' // Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics. - 2023. - Publ. online 15 May. - P. 1-21. - DOI: 10.1017/S0963180123000245. EDN: HOIJVM.

14. Spichak S. The Controversial Push for New Brain and Neurorights / Spichak S. // JMIR Publications. - 2025. - Vol. 27, J Med Internet Res 2025;27:e72270.

15. Klosek J., Tene O., Krystal L. Colorado's Neural Privacy Law: A Game Changer for Tech / Goodwin Law. - 2024. - 25 September. - URL:

<https://www.goodwinlaw.com/en/insights/publications/2024/09/insights-technology-dpc-colorados-neural-privacy-law-is-a-game> (дата обращения: 10.06.2025).

16. Chessa S. Human rights: advances in neurotechnologies lead to calls for protection against abuse of 'brain data' / International Bar Association. - 2023. - 26 October. - URL: <https://www.ibanet.org/neurotechnologies-protection-against-abuse-of-brain-data> (дата обращения: 10.06.2025).

17. Romero O.G. Cognitive liberty and the psychedelic humanities / Frontiers in Psychology. - 2023. - Vol. 14. - Article 1128996.

18. Muñoz J.M., Marinaro J.A. Neurorights as reconceptualized human rights / Frontiers in Political Science. - 2023. - Vol. 5. - Article 1322922.

19. EU Artificial Intelligence Act | Regulation (EU) 2024/1689. - Brussels : European Commission, 2024. - URL: <https://artificialintelligenceact.eu> (дата обращения: 10.06.2025).

20. Hertz N. Neurorights - Do We Need New Human Rights? A Reconsideration of the Right to Freedom of Thought / Hertz N. // SSRN Electronic Journal. - 2024. - 13 March. - DOI: 10.2139/ssrn.4726652.

21. Alegre S. Toward an International Agenda to Protect the Forum Internum / S. Alegre // CIGI Policy Brief. - 2022. - № 176. - 8 p.

22. Ruiz S., Valera L., Ramos P., Sitaram R. Neurorights in the Constitution: from neurotechnology to ethics and law in Chile / Philosophical Transactions of the Royal Society B. - 2024. - Vol. 379. - Article 20230098.

23. Farahany N.A. Cognitive Liberty and the Need for New Human Rights Protections / N.A. Farahany // Submission to UN Human Rights Council Advisory Committee. - Geneva : OHCHR, 2023. - 15 July.

24. Alegre S. Freedom to Think: The Long Struggle to Liberate Our Minds / S. Alegre. - London : Atlantic Books, 2023. - 400 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья на тему «Новые формы вмешательства в свободу убеждений: международно-правовая доктрина в условиях цифровой трансформации» для опубликования в журнале «Международное право и международные организации / International Law and International Organizations». Статья посвящена анализу новых форм вмешательства в свободу убеждений, возникающих в условиях цифровой трансформации. Автор исследует, как современные технологии, такие как алгоритмическая модерация, микротаргетинг и нейротехнологии, воздействуют на внутреннюю сферу убеждений (*forum internum*), которая традиционно считалась неприкосновенной. Основное внимание уделяется международно-правовым стандартам и их адаптации к новым вызовам. Автор использует комплекс методов, включая сравнительно-правовой, формально-юридический, системный и структурно-функциональный анализ, а также кейс-анализ решений международных органов. Такой подход позволяет всесторонне изучить проблему, сочетая теоретический анализ с практическими примерами. Тема статьи является актуальной в условиях стремительного развития цифровых технологий, которые создают новые угрозы для фундаментальных прав человека. Вопросы защиты свободы убеждений от алгоритмического и нейротехнологического вмешательства активно обсуждаются в научной литературе, например, в работах S. Alegre (2022) и R. Yuste (2023). Статья вносит важный вклад в эту дискуссию, предлагая анализ с позиций международного права. Научная новизна исследования заключается в систематизации новых форм вмешательства в свободу убеждений, таких как «мысленное слежение» и «когнитивная свобода». Автор также предлагает обновленное понимание международно-правовых стандартов в контексте цифровых технологий, что соответствует современным тенденциям, отраженным в докладах ООН (A/76/380, 2021) и инициативах Евросоюза (Регламент об ИИ, 2023). Стиль, структура, содержание работы в целом соответствуют предъявляемым требованиям. Статья написана научным стилем, с четкой структурой и логичной аргументацией. Введение и заключение хорошо отражают основную проблему и выводы. Однако некоторые разделы, например, о нейротехнологиях, могли бы быть более детализированы. Также стоит отметить, что стиль изложения местами избыточно академичен, что может затруднить восприятие для широкой аудитории. Библиография статьи обширна и включает актуальные источники, такие как доклады ООН, работы S. Alegre и R. Yuste, а также решения международных судов. Однако можно было бы добавить больше современных исследований (2022-2024 гг.), например, работы по этике искусственного интеллекта или нейроправам, чтобы усилить научную базу. Из указанного периода автором использован только один источник (Rafael Yuste, Tomás de la Quadra-Salcedo, Miguel García Fernández, 2023). Всего в списке 12 источников, что несколько меньше заявленных в требованиях научного издания, искомого автором к опубликованию своей статьи. Между тем, апелляция к оппонентам в работе присутствует. Автор учитывает возможные контраргументы, например, о том, что цифровые технологии могут и расширять возможности для свободы убеждений. Однако критика существующих правовых рамок могла бы быть более глубокой, с привлечением альтернативных точек зрения, например, из работ критиков концепции «нейроправ». Статья представляет значительный интерес для исследователей в области международного права, цифровых технологий и прав человека. Выводы автора о необходимости обновления международно-правовых стандартов для защиты *forum internum* актуальны и своевременны. Однако для привлечения более широкой аудитории, включая практиков, можно было бы добавить рекомендации по конкретным мерам регулирования. Статья является важным вкладом в изучение свободы убеждений

в цифровую эпоху. Она сочетает теоретическую глубину с практической значимостью, хотя некоторые аспекты требуют дальнейшей проработки. Работа будет полезна как для академического сообщества, так и для правозащитников, занимающихся вопросами цифровых прав. Для положительной рекомендации к опубликованию статья нуждается в некоторой доработке в части включения в библиографический перечень необходимого числа научных источников за последние 2-3 года, а также более детальной апелляции к возможным оппонентам.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье являются, как это следует из ее наименования, новые формы вмешательства в свободу убеждений. Автор анализирует соответствующую международно-правовую доктрину в условиях цифровой трансформации. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования раскрыта: "Методологическую основу исследования составили сравнительно-правовой, формально-юридический, системный и структурно-функциональный методы, а также кейс-анализ решений международных органов, в частности КПЧ ООН и Совета Европы".

Актуальность избранной автором темы исследования несомненна и обосновывается им следующим образом: "Долгое время считалось, что вмешательство во внутренние убеждения личности практически невозможно, поскольку мысли человека недоступны внешнему воздействию. Однако бурное развитие цифровых технологий опровергает эту уверенность. Появляются новые методы косвенного «чтения» и даже воздействия на внутренние убеждения через анализ данных и информационное влияние. Международно-правовая доктрина столкнулась с необходимостью оценить эти феномены сквозь призму абсолютной защиты *forum internum*. Особую актуальность эти вопросы приобрели после принятия Чили конституционной поправки о защите нейроправ в 2021 году, что стало первым в мире прецедентом конституционного закрепления защиты мозговых данных [16]. Аналогичные инициативы развиваются в других юрисдикциях: штат Колорадо в 2024 году принял первый в США закон о нейроприватности[15], а Европейский союз включил ограничения на системы распознавания эмоций в Регламент об искусственном интеллекте 2024 года [19]. Однако в научном сообществе нет единого мнения относительно необходимости новых прав: критики утверждают, что существующие правовые рамки достаточны для защиты от нейротехнологических угроз [12][20]. В данной статье предпринимается научный анализ новых форм вмешательства в свободу убеждений в цифровую эпоху и рассматриваются ответы международного права на эти вызовы". Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Таким образом, по международным стандартам запрещено любое прямое или косвенное воздействие, способное лишить человека свободы сформировать собственные убеждения. Однако классические нормы формулировались в эпоху, когда угрозы носили в основном явный характер (идеологическое принуждение, религиозные преследования, цензура печати и т.п.). В цифровую же эпоху возникли качественно новые формы воздействия на сознание, которые труднее распознать, но которые ставят под сомнение прежнее понимание ненарушимости внутренней свободы мысли"; "Новые формы вмешательства в

свободу убеждений, возникающие в условиях цифровой трансформации, становятся серьезным вызовом для международного права. Современные технологии, такие как алгоритмическая модерация, персонализированная реклама и нейроинтерфейсы, воздействуют не только на *forum externum*, но и на *forum internum* — внутреннюю сферу убеждений и мышления человека"; "Призыв к запрету систем, вторгающихся во внутренний мир личности (например, технологий эмоциональной аналитики), поддержан на наднациональном уровне ЕС, что свидетельствует о растущем понимании важности охраны *forum internum*. Фактически, европейские регуляторы соглашаются с мнением исследователей вроде С. Алегри о том, что проникновение ИИ в сферу мыслей должно пресекаться на корню правовыми мерами. В проекте Регламента ЕС об ИИ (2023) уже предусмотрены ограничения на системы социального рейтинга и «детекторы эмоций» в правоохранительных органах, исходя из этических и правовых рисков для прав человека. Это можно расценивать как зарождающуюся норму *jus cogens* нового поколения, защищающую свободу человеческого разума"; " и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования, раскрывает его методологию. Основная часть статьи состоит из трех разделов: "Международно-правовые стандарты свободы убеждений"; "Новые формы вмешательства в условиях цифровой трансформации"; "Реакция международно-правовой доктрины и практики". В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию и не вызывает особых нареканий.

Библиография исследования представлена 24 источниками (монографией, научными статьями, комментарием, нормативными и эмпирическими материалами), в том числе на английском языке. С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, как общая, так и частная (Rafael Yuste, Tomás de la Quadra-Salcedo, Miguel García Fernández и др.), и вполне достаточна. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы обоснованы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Цифровая трансформация общества привела к возникновению *de facto* новых форм вмешательства во внутреннюю свободу убеждений, которые раньше не были известны классическому праву прав человека. Алгоритмическое воздействие на информационное пространство личности, поведенческий анализ данных, системы распознавания эмоций и зарождающиеся нейротехнологии – всё это создает неочевидные, но масштабные риски для свободы мысли, совести и убеждений. Международное право, провозглашающее абсолютный характер этой свободы, стоит перед задачей конкретизации и обеспечения ее соблюдения в новых условиях. Уже сейчас можно выделить несколько основных тенденций доктринального и нормативного ответа: Признание принципа «когнитивной свободы» как неотъемлемой части прав человека. Под этим подразумевается защита психической автономии индивида, запрет на недобровольное раскрытие или изменение его мыслей и убеждений. Международные эксперты предлагают развивать этот принцип в договорах и мягком праве. Упреждающее регулирование новых технологий. Разрабатываются нормы, прямо запрещающие или ограничивающие технологии, способные вторгаться во внутренний мир человека (как пример – рекомендованный запрет на системы распознавания эмоций в Евросоюзе). Предлагается ввести строгий надзор за нейротехнологиями, идущими вразрез с правами человека. Обновление

толкований существующих прав. Комитет ООН по правам человека и другие органы, вероятно, выпустят новые разъяснения (замечания общего порядка), учитывающие цифровой контекст. В них может быть отражено, что «принуждение, ущемляющее свободу иметь убеждения» включает не только физическое или прямое принуждение, но и манипулятивные информационные практики.

Синергия права на частную жизнь и свободы мысли. В цифровую эпоху защита и конфиденциальность данных становится условием обеспечения свободы убеждений. Международное право всё чаще увязывает эти права: без приватности нет пространства для свободного формирования мыслей. Поэтому усиление требований к защите персональных данных (например, GDPR в ЕС) косвенно служит и охране *forum internum*. Практика кейсов и прецедентов. Ожидается, что судебные органы начнут формировать прецеденты по обращениям, связанным с цифровыми вмешательствами. Каждое такое решение будет уточнять границы допустимого. В перспективе возможно появление принципа *due diligence* для государств: обязанность предотвращать деятельность частных лиц (корпораций), направленную на недобросовестное влияние на убеждения граждан.

В заключение следует подчеркнуть: свобода убеждений остаётся краеугольным правом человека, от которого зависит смысл многих других свобод. Цифровая эпоха несёт не только угрозы, но и возможности для реализации этого права (расширение доступа к информации, обмен мнениями глобально). Задача международного права – максимизировать эти возможности и минимизировать угрозы. Научный подход и практика международных органов уже сегодня формируют основы для новой доктрины – доктрины защиты свободы мысли в цифровом мире. Её реализация потребует усилий как на универсальном, так и на национальном уровнях, обновления законодательства и развития сотрудничества между государствами и технологическими компаниями. Только так можно гарантировать, что даже в условиях стремительной цифровизации человек сохранит неприкосновенное право мыслить свободно – без страха, принуждения и скрытых манипуляций, какими бы изощрёнными они ни были), обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере международного права, конституционного права, информационного права при условии ее небольшой доработки: дополнительном обосновании актуальности темы исследования (в рамках сделанного замечания).